

РАМИЗ МОВСУМ

ВЗГЛЯДЫ ЧЕРЕЗ КРОВАВУЮ ПРИЗМУ, ИЛИ ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ГАБИЛЯ АЛИЕВА

Перевод Саадет АББАСОВОЙ

9 мая 1975 года. На календаре отмечено красными буквами: 30 лет со дня Победы над фашистской Германией!.. В праздничный день многие государственные учреждения не работали, но медицинская бригада в составе докторов хирургического отделения скорой помощи Бакинской городской больницы №2 имени Степана Шаумяна трудилась в полную силу.

В то время по приказу руководителя Главного управления здравоохранения города Баку М.Асадова, одна из пяти клинических больниц должна была нести дежурство по приему больных, которые нуждались в хирургической помощи. Одна из клиник работала в полную силу, остальные четыре «отдыхали». Для Баку обслуживание пациентов одной лишь больницей было делом нелегким. Хирурги в операционных палатах вели борьбу за жизнь пациентов, находящихся между жизнью и смертью. Не щадя своего здоровья, они возвращали очень многих тяжелобольных с того света, даря им жизнь. Работа была тяжелая, к концу смены они полностью выматывались, что порою сказывалось на качестве работы, и количество не сочеталось с качеством. С какой головой и кто предложил такой график работы, было неизвестно. Ну, что же...

В этот день дежурной по городу была Бакинская городская клиническая больница №2 им.С.Шаумяна. Приемная хирургического отделения была переполнена стонущими больными. Носилки стояли в ряд. Вдруг внимание медсестры Авакян Раисы, занимавшейся регистрацией пациентов, привлек окровавленный пациент, лежавший на каталке.

– Вера, шутара, ары стех, бырни!.. – позвала она Миримян Веру, уборщицу больницы. (Что в переводе с армянского означает: «Вера, быстро иди сюда, возьми!»). Кстати, хочу заметить, что из-за того, что больница носила имя Степана Шаумяна, здесь работали в большинстве своем армяне, которые с гордостью говорили: «Мы работаем в больнице Шаумяна!.. Эта наша больница!..»

Вера бросилась исполнять приказ Раисы Аракеловны. Женщины взяли каталку и покатали ее к концу полуосвещенного коридора. Я был занят другими больными, но не сводил с них глаз. Я было подумал, что они, приняв во внимание тяжелое состояние больного, хотят отвезти его в перевязочную. Но они оставили больного в конце коридора, а затем вернулись обратно. Я был сильно удивлен этому и, закончив свою работу, тут же побежал к больному, чтобы отправить его на перевязку. Он сильно стонал, лицо его было всё в крови. Он смотрел с мольбой на меня, прося о помощи. Это был Габиль Алиев!.. Я только сейчас понял, почему Раиса Аракеловна и Миримяня Вера перенесли носилки Габилея Алиева в темный угол?! Однозначно, они отвлекли внимание врачей преднамеренно, чтобы пострадавший остался без помощи и умер от кровотечения!.. Это и есть настоящая армянская черта характера – армянская подлость!.. Эти неблагодарные ели наш хлеб, пили нашу воду и ненавидели нас.

Когда я хотел было повезти его на перевязку, Раиса Аракеловна преградила мне дорогу:

– Доктор Алиев, соблюдайте очередь!..

Раиса Аракеловна даже если и знала наш язык, но никогда на нем не разговаривала.)

– А где его очередь, в конце темного коридора? – не скрывая гнева, спросил я.

– Как вам не стыдно за свой поступок!..

– Доктор, существует порядок, – сразу же ответила она. – Эти больные тоже ждут своей очереди! Она указала рукой на больных с легкими ранениями.

– Раиса Аракеловна, – повысил я голос, – кто вас уполномочил наводить здесь свои порядки?.. Займитесь своей макулатурой. Больной очень тяжелый, потерял много крови. Он пройдет вне очереди!..

Она что-то пробурчала по-армянски, но я не расслышал.

– Раиса Аракеловна, вообще-то вы знаете, кто он такой? – вдруг спросил я.

– Конечно, знаю, подумаешь, большая шишка, кяманча Габиль да! – с иронией ответила она и, зажав свой большой нос двумя пальцами, начала имитировать звуки кяманчи «дыз-дыз-дыз».

– Раиса Аракеловна, – не выдержав, закричал я. – Это ваш Невтон Григорян «дыз-дыз» делает. Габиль Алиев – талант от Бога, он является гордостью нашего народа!

Носилки Габиля Алиева я завез в операционную палату, сказал медсестре, что он потерял много крови и состояние его тяжелое. Узнав и, увидев Габиля Алиева в таком тяжелом состоянии, она расстроилась. ...

В области головы Габиля была обнаружена глубокая рана, из которой текла кровь. Под местной анестезией я провел первичную хирургическую обработку, остановил кровь и наложил швы на рану. После комплексных интенсивных мер Габиль Алиев постепенно стал приходить в себя. Когда он открыл глаза, то сразу начал правым указательным пальцем по одному проверять пальцы левой руки. Когда он понял, что все пальцы на месте, обрадовался, как ребенок, на его побледневших губах появилась улыбка.

– Доктор, я очень-очень благодарен вам! Я обещаю, что вот этими самыми пальцами я сыграю на вашей свадьбе.

– Габиль джан, ваше здоровье нам очень дорого!.. – с благодарностью ответил я.

Вдруг Габиль о чем-то вспомнил и начал озираться вокруг.

– Моя супруга тоже должна быть в этом отделении, мы вместе попали в аварию. Я вас очень прошу, узнайте, где она, ее зовут Шаргия!

Я разместил Габиля Алиева в палате и сразу же вернулся обратно. Заглянув в регистрационный журнал, я узнал, что Алиева Шаргия была помещена в травматологическое отделение больницы. Я отправился навестить ее. На ее нижние голени был наложен гипс. Я просмотрел рентгеновский снимок, который висел над ее головой: была сломана большая берцовая кость. Я подошел к ней и тихо сказал:

– Скорейшего выздоровления, ханым! Бог вам в помощь!.. Вы жена Габиля Алиева, не так ли?

Женщина как будто только очнулась.

– Да, – ее грудь вздымалась от волнения, – я очень волнуюсь. Что с Габилем, скажите, где он?

– Шаргия ханым, не бойтесь, – успокоил я ее. – Габиль жив-здоров! Он ранен, ему оказана первая помощь, и сейчас он находится в палате. Иншаллах, вскоре вы встретитесь!..

– Слава Аллаху!.. – закрыв глаза, она облегченно вздохнула.

Шаргия ханым поинтересовалась у меня и о своем здоровье.

– Шаргия ханым, не беспокойтесь! Вы слегка ранены, но не волнуйтесь, все будет в порядке. Можете быть спокойны!.. – сказал я.

Чтобы излишне не травмировать Шаргию ханым, я не стал говорить о серьезности ранения ее и Габилы.

Габиль, услышав, что с его супругой все в порядке, сильно обрадовался.

– Господи, благословляю тебя, пронесло!.. – воздев руки к небу, воскликнул он.

– Габиль джан, что за страшное происшествие произошло с вами? – спросил я его позднее.

– Мой двоюродный брат, Исми, очень долгое время мучается из-за бронхиальной астмы. Сегодня ему стало плохо, и мы с Шаргией решили навестить его. Мы तोпились, хотели быстро доехать... Вблизи Шаумяновской больницы моя машина врезалась в трамвай. Все вокруг внезапно закружилось, в глазах потемнело. А затем я ничего не помню... Сейчас для меня все это, как сон...

Я ничего не рассказал Габиле об Авакян Раисе и Миримян Вере, которые покушались на его жизнь. Подумал, что если этот разговор выйдет за пределы стен больницы, то проармянские силы придадут этому событию политическую окраску!.. Скажут еще, что вы клеветаете на армян!.. И в конце концов, вмешалась бы Москва!..

В те времена царила совсем другая атмосфера. Снять сразу троих азербайджанских врачей с работы было намного легче, чем одну армянскую медсестру!.. За их спинами всегда стояли заступники. И это уже наша большая трагедия!!

Усвоим ли мы урок из того, что с нами сделали и делают до сих пор, или же снова станем жертвой такой «болезни», как забывчивость?!

Обжоры

Прошло три дня с тех пор, как не стало Мирхадиля.

На поминках напротив двух молодых бородатых парней с серьгами в ушах сидел старик, который, глядя на них, спросил:

– Вы оба близкие родственники покойного?

– Нет!.. – воскликнул один из них.

– Наша молодежь не носит сережки, – сказал им старик.

– Дяденька, сейчас это модно! – тут же бойко ответил один из парней.

– Ребята, это не модно, а вызывающе! – сделав глоток чая, сказал старик.

– Саттар, давненько тебя не было видно, куда ты пропал? – перебив старика, обратился один из парней к другу.

– Кадыр, – ответил Саттар, – я одолжил денег и купил себе породистую собаку. Ее зовут Милана, но мы все называем ее «Мила». Вот хочу взять немного денег, накопленных на лечение моей матери, и купить Миле дорогой ошейник. Я так люблю ее, мою Милочку, и много времени провожу с ней.

– А ты чем занимаешься? – немного помолчав, спросил Саттар у Кадыра.

– Я заболел компьютерными играми. – ответил тот. – День и ночь сижу за компьютером и играю. Игры сводят меня с ума, на нервах всю посуду дома перебил.

...Мулла читал хадисы, аяты из Корана.

Но Саттар и Кадыр были чрезвычайно заняты беседой и обсуждением последних новостей.

Саттар внезапно задумался, затем, вдруг что-то вспомнив, спросил у Кадыра:

– Слушай, я вот о чем сейчас подумал, а летом с кем я оставлю собаку, ведь в это время я должен отвезти свою мать на лечение в Ессентуки.

Кадыр радостно ответил:

– Саттар, с этим я могу тебе помочь! В городе построили большой пансионат для собак, – ответил Кадыр. – Там отличное обслуживание, собак купают различными шампунями и парфюмерным мылом, расчесывают и делают прически по последнему писку моды. В пансионате имеется кухня с различной едой, и собак вкусно кормят три раза в день.

– Ах, ты завел разговор о вкусной еде так, что у меня даже слюнки потекли! – воскликнул Саттар.

– Да уж, братец, – продолжал Кадыр. – У собак там навалом различной одежды, которую они ежедневно меняют. Ты бы еще их постельное белье увидел – все чисто так, аккуратно разглажено! А у нас дома стиральная машинка испортилась, а денег нет, чтобы починить. Я даже завидую этим собакам.

– Короче! За совет спасибо, Кадыр, – перебил его Саттар. – Вопрос с моей собакой решен, а то летом я не смог бы отвезти маму на лечение.

В это время молла объявил, что пора идти на кладбище.

Все спустились во двор, расселись по машинам и отправились на кладбище. На могиле покойного молла прочел молитвы. После все вернулись обратно. Молла пригласил всех на поминки в палатку.

Пожилой мужчина снова сел на свое место.

Молодые люди все еще увлеченно чем-то болтали. Вдруг Саттар, как бы опомнившись, спросил у старика:

– Аксакал, а ты не знаешь, когда все пойдут на кладбище?

Тут старик вышел из себя.

– Эх, ты, дитя, имей уважение! Во-первых, не «ты», а «вы»! Во-вторых, все уже побывали на кладбище. Когда молла объявил об этом, вы что, оглохли? Болтаете о глупостях, не касающихся этого меджлиса. Зачем вы решаете здесь свои проблемы?! Поминки – не место для шуток. Вы тоже должны были вместе со всеми пойти на могилу покойного. Не уважаете живых, хотя бы уважайте мертвых.

Друзья поняли, что виноваты, и, склонив головы, тихо сидели напротив старика. Когда на стол подали плов, лица молодых людей оживились. Съев по две тарелки плова, и запив все довой, они накиннулись на вазу с фруктами. Кадыр, вытирая рот салфеткой, сказал своему другу:

– Приятель, есть еще один меджлис, куда нам нужно сходить!

Молла еще не дочитал молитву, когда двое молодых людей собрались уходить.

– Обжоры! – бросил им вслед старик.

Эти слова старика, гневно брошенные им вслед, настолько задели их, что им показалось, что на них накиннулась собака.

